

УДК 81'42(045)

Задворная Елена Геннадиевна

доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
теоретической и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alena Zadvornaya

Habilitated Doctor of Philology,
Professor, Professor of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
egz0201@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЙ ГЕДОНИЗМ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СУБЪЕКТНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

COMMUNICATIVE HEDONISM IN DIALOGIC DISCOURSE: SUBJECT AND AXIOLOGICAL CHARACTERISTICS

В статье рассматривается феномен коммуникативного гедонизма и анализируются его субъектные и аксиологические характеристики. Выделяется ряд разновидностей коммуникативного гедонизма (реципрокный, эгоцентрический, альтруистический и др.), которые дифференцируются на основании таких критериев, как коммуникативная роль субъекта (говорящий или слушающий) и типы реализованной в коммуникативной ситуации оценочных значений.

Ключевые слова: *коммуникативный гедонизм; коммуникативная ситуация; коммуникативное поведение; говорящий; слушающий; позитивная оценка, негативная оценка.*

The article examines the phenomenon of communicative hedonism and analyzes its subject and axiological characteristics. A number of varieties of communicative hedonism (reciprocal, egocentric, altruistic and others) are singled out according to such criteria as communicative role of the subject (the speaker and listener) and the types of evaluative meanings realized in the communicative situation.

Key words: *communicative hedonism; communicative situation; communicative behavior; speaker; listener; positive evaluation; negative evaluation.*

Коммуникативный гедонизм принадлежит к числу относительно малоизученных прагматических феноменов: проблемы определения его природы, статуса, границ и т. д. остаются пока, по сути, лишь намеченными.

С одной стороны, коммуникативный гедонизм (далее – КГ) закономерно связывается с удовольствием от общения ради общения; см., в частности, интересную и содержательную работу Н. А. Кубраковой, в которой феномен гедонизма, рассматриваемый на материале интернет-чатов, понимается как «эмоционально-стилевой формат общения, характеризующийся направленностью на получение удовольствия от общения и готовностью участников такого общения соответствующим образом моделировать свое коммуникативное поведение и интерпретировать коммуникативное поведение партнера в том же ключе» [1, с. 4]. Анализируя речевое поведение субъектов избранной дискурсивной практики, автор работы убедительно демонстрирует взаимосвязь КГ с фатическими и игровыми (людскими) интенциями коммуникантов.

При этом понятно, что ориентированность на использование различных типов и форм языковой игры представляет собой относительно небольшую часть общего интенционального комплекса, связанного с феноменом КГ. Не менее очевидно и то, что некоторые формы общения ради общения в силу таких свойств, как клишированность, ритуальность, формальность, редуцированность содержательной и / или эмоциональной составляющей, возможная неискренность и т. п., способны вызывать не удовольствие, а равнодушие, скуку и даже резкое неприятие, ср. показательный фрагмент:

(1) *В этом «кругу» форма всегда ценилась дороже и выше содержания: за нею ревниво следили, ее пестовали, ею гордились. И мучительная ложь Аверьяна Леонидовича, ложь, которой он внутренне стыдился, воспринималась как милая и вполне естественная светская болтовня. И, кое-как справившись со стыдом и первым волнением, Беневоленский понял и принял предложенный тон разговора <...>. И он начал **ненавидимую и презираемую им светскую болтовню**, полную недомолвок, пошлой двусмысленности, намеков, грошоваго остроумия и фривольной игривости, внутренне благодаря судьбу, что Машенька не слышит этого мутного потока лжи* (Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1, 1988) [2].

С другой стороны, естественно рассматривать понятие гедонизма, апеллируя к эстетической (поэтической, художественной) функции языка: понятно, что звучное слово, изящная формулировка, элегантно выстроенная стилистическая конструкция, изысканная риторическая фигура и т. д. заставляют слушателя (а возможно, и говорящего) испытывать удовольствие в силу того, что они красивы, причем эта красота может быть свойственна целому художественному произведению (в связи с чем невозможно не упомянуть классическую работу Р. Барта «Удовольствие от текста» [3]) и, более того, интерпретироваться применительно к языку

в целом (ср. блестящий анализ сущности, а также онто- и филогенеза эстетического отношения к языку в работе Н. Б. Мечковской [4]). При этом опять-таки понятно, что удовольствие / наслаждение реципиент может испытывать не только в силу совершенства формы сообщения (с которой, собственно, и связывал поэтическую (эстетическую) функцию языка Р. Якобсон [5]), но и в силу иных его качеств, а также иных характеристик коммуникативной ситуации.

Таким образом, апелляции к реализации конкретных функций языка (фатической, эстетической, людической), а также к тем или иным жанрово-дискурсивным форматам общения (художественному дискурсу или праздноречевым жанрам интернет-коммуникации), раскрывая важные грани КГ, не исчерпывают всего богатства и всей сложности обсуждаемого феномена, что делает интересным и полезным его изучение на ином материале и в иных ракурсах.

В настоящей работе мы обратимся к рассмотрению контекстов диалогического характера и нарративных контекстов, интерпретирующих диалогическое взаимодействие, в которых проявления гедонизма получают эксплицитную фиксацию при помощи лексических единиц *удовольствие, наслаждение/наслаждаться*, а также конструкций типа *нравится говорить/слушать*, что позволяет избежать весьма вероятного при анализе обсуждаемого феномена субъективизма. Всего из Национального корпуса русского языка [2] было отобрано около 300 контекстов, анализ которых позволяет выделить характеристики гедонизма, связанные с различными факторами прагматического контекста и различными компонентами соответствующих коммуникативных ситуаций.

Так, исследуемые контексты различаются по таким характеристикам, как:

- обобщенность – ситуативность¹;
- явный – скрытый характер;
- разновидность стимула, порождающего соответствующий эффект;
- намеренность – случайность эффекта и др. (подробнее см. [6]).

При этом одним из важнейших аспектов изучения КГ является его аксиологическая аранжировка: если на первый взгляд представляется очевидным, что удовольствие может быть исключительно позитивно

¹ Строго говоря, термин «гедонизм» правомерно использовать только применительно к ситуациям обобщенного типа; в то же время дифференциация контекстов, в которых представлено устойчивое стремление / умение / потребность получать удовольствие от общения, с одной стороны, и единичный, чисто ситуативный эффект удовольствия от коммуникации, с другой, является (с учетом того, что ситуативный эффект может быть проявлением общей установки) весьма непростой задачей, решение которой не входит в цели настоящей работы.

маркированным феноменом, то более тщательный анализ показывает, что соответствующие контексты способны реализовать достаточно широкий диапазон оценочных значений. Во-первых, это связано с допустимостью включения в эмоциональное состояние удовольствия специфических негативно-оценочных обертонов, ср.:

(2) *Уйти рано будет невежливо, как и вообще уйти, и нужно будет говорить, смеяться, да и будет в этом какое-то **тягучее, муторное удовольствие для обоих**. <...> Ведь никогда не знаешь, когда придется сесть за столик кафе, всего лишь спросив: «Ну как ты?..» (Анастасия Цветкова. В будущем времени // «Сибирские огни», 2012) [2], во-вторых – что, на наш взгляд, более существенно, – с возможной рассогласованностью эмоционально-оценочного отношения к ситуации ее участников, т. е. говорящего и слушающего.*

Самый простой вариант соотношения оценочных и субъективных характеристик представлен в случаях реципрокного (взаимного, обоюдного) гедонизма. В таких ситуациях удовольствие от общения, которое получают оба собеседника, обусловлено не только и не столько конкретными интенциональными, содержательными и пр. особенностями диалога, сколько гармоничностью, сбалансированностью и симметричностью речевых действий коммуникативных партнеров; иными словами, это удовольствие от того, что собеседники говорят на одном языке, имеют сходные интеллектуальные интересы, общие нравственные установки и т. д. и поэтому хорошо понимают друг друга, ср.:

(3) – *Оттого и **доставляет мне огромное удовольствие беседа с вами, что полна взаимопонимания** (Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019) [2];*

(4) *Наша любовь с Даниэлями была легкой, необязательной и, главное, взаимной. Мы делились с ними своими бедами и достижениями, мы встречались весело и бескорыстно, **наслаждаясь сходством интересов и пониманием с полуслова** (Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания, 1975–2003) [2].*

Ситуации реципрокного КГ не исключают возможности использования речевых действий негативно-оценочного характера типа обмена шпильками / колкостями:

(5) *Маслов и Сорокин заняли столик у маленькой сцены. Освещаемые колеблющимся дымным светом свечей, они пили скверное вино, спорили о поэзии, **осыпали друг друга колкостями** и, как никто здесь, нуждались друг в друге (А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые, 1966-1973) [2].*

Важно отметить, что использование подобных коммуникативных ходов не способно вытеснить соответствующие контексты из области позитивно-оценочных смыслов: во-первых, их негативно-оценочный

характер в определенной степени нейтрализуется взаимностью реализуемых коммуникативных интенций, во-вторых, этот тип речевого взаимодействия нередко (хотя и не всегда) носит характер интеллектуальной игры (о негативно-оценочных смыслах обмена колкостями и об их игровых вариантах см. подробнее [7]).

Гораздо более сложная картина наблюдается в случаях, когда удовольствие от общения испытывает только одна сторона коммуникативного процесса – либо говорящий, либо слушающий.

В контекстах, в которых удовольствие испытывает говорящий, важную роль играет рефлексивность / нерефлексивность соответствующего состояния, т. е. его направленность на самого себя либо на собеседника.

Первый вариант может быть интерпретирован как КГ эгоцентрического типа, предполагающий, что говорящий испытывает удовольствие, стимулированное практически любыми характеристиками **собственной** речи. Данный класс контекстов, в свою очередь, отличается внутренней неоднородностью, обусловленной разнообразием триггеров, стимулирующих эффект КГ, – от перцептивно-эстетического удовольствия, вызванного артикуляционно-акустическими качествами речи, до морального удовлетворения от совершения достойного в этическом отношении речевого поступка, – и соответственно разнообразием частнооценочных значений (перцептивных, эстетических, этических):

(6) *...но тут Корин гортанно захохотал, потому что ему явно нравилось говорить самому, и гортань его получала удовольствие от бурленья, клокотанья и рокотания голоса* (Захар Прилепин. Лес, (2010) [2];

(7) – *Ах, какая чудная бонбоньерка! – сказала она, видимо, наслаждаясь не только вещью, но и ее названием.* – *Просто прелесть!* (М. А. Алданов. Истоки. Части 1–8, (1942–1946) [2] (в данном случае представлен выразительный пример метонимического совмещения оценки объекта и его названия, которое Н. Б. Мечковская интерпретирует как «квази-метаязыковую оценку» [4, с. 359];

(8) *Полине нравилось говорить о себе – она так долго жила в полном одиночестве, что сам факт замужества, то, что теперь за ней официально закреплен близкий человек, развязал ей язык и выбил из нее некоторые детали ее биографии и душевной жизни, как будто пробку из бутылки* (Е. В. Колина. Дневник измены 2011) [2];

(9) *Не скрою, мне доставляет удовольствие перечислять фамилии людей, которые выступили в поддержку кандидатуры Тимофеева* (Даниил Гранин. Зубр, 1987) [2].

При всех очевидных различиях коммуникативного поведения говорящего (от коммуникативного нарциссизма до проявления высоких морально-этических качеств) приведенные контексты объединяет сосредоточенность адресанта на собственных действиях и несущественность (опять-таки для адресанта) впечатлений, мнений и оценок адресата, которые также могут варьироваться в весьма широких пределах от ироничного отношения к самолюбованию собеседника до индифферентного или даже эмпатийного отношения к его речевым действиям.

Второй вариант, напротив, демонстрирует альтруистический тип коммуникативного поведения: в таких контекстах говорящий испытывает удовольствие в силу того, что осуществляемое им коммуникативное действие позитивно (полезно, релевантно) для адресата: говорящий выбирает интересную для собеседника тему, сообщает важную для адресата информацию, помогает слушающему нечто понять, узнать, осмыслить и т. п.:

*(10) Я уже почувствовал к этому вкус, тем более что мне **нравилось рассказывать** людям, делиться с ними тем, что я сам узнал, увидел...Надо признаться, что на мои выступления люди шли **с удовольствием**, поскольку тема была по тогдашним временам действительно необычная – до нас на папирусных лодках никто не пытался пересекать Атлантику, да еще в таком многонациональном составе (Юрий Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь, 1999) [2].*

На первый взгляд контексты КГ альтруистического типа обнаруживают сходство с реципрокным вариантом КГ, но все же эти разновидности не идентичны: если в случае взаимного удовольствия от общения оба собеседника проявляют коммуникативную активность и демонстрируют паритетное владение коммуникативной инициативой, то в альтруистическом варианте субъект КГ занимает доминирующую позицию, в то время как роль адресата является пассивной.

Наконец, третий вариант представлен в ситуациях эмоционально-оценочного диссонанса между состояниями говорящего и слушающего и предполагает, что говорящий получает удовольствие, каузируя негативное эмоциональное и / или ментальное состояние адресата. Диапазон таких негативных состояний весьма широк: от легкого смущения, растерянности, неловкости, недоумения, непонимания до глубокой обиды, чувства оскорбленности, униженности и под.

В круге контекстов данного типа важно различать две разновидности.

В первом случае говорящий сознательно, расчетливо и целенаправленно предпринимает речевые действия, ставящие собеседника в уязвимое, неприятное, тяжелое положение (наиболее жесткие проявления такого типа коммуникативного поведения Н. А. Кубракова не без оснований называет «коммуникативным садизмом» [1, с. 14]):

(11) *Там, за самоваром, совершенно неожиданно для себя, я вдруг озлобленно и жестоко, наслаждаясь этим озлоблением, как местью, стал говорить, придравшись к какому-то пустяку, которого не помнил уже в середине разговора:*

– ... Не может быть два человека в плоть едину, это невозможно... Любовь приходит, и любовь уходит, как все, а нет конца желанию жить... А что они родят вместе ребенка, так это еще ничего не значит... (М. П. Арцыбашев. Жена, 1905) [2];

(12) *Он пришел с цветами, а мне хотелось мстить, кусать, наказывать за долгое двухлетнее молчание. И я весь вечер делала это с упоением. Самая большая страсть – это власть. И я наслаждалась ею в полной мере и видела, как его корежит от моих колкостей и издевательств* (Лидия Иванова. Искренне ваша грешница, 2000) [2].

Во втором случае говорящий не стремится нанести адресату какой-либо вред, но, когда оказывается, что его речевые действия уязвили, обидели, поставили собеседника в тупик, говорящий с удовольствием наблюдает за беспомощностью, растерянностью, смущением адресата, получая незапланированные, но приятные коммуникативные «бонусы»:

(13) *Лучше всего было немедленно извиниться и уйти, но Крылов продолжал стоять, все более смущаясь, и чем дольше он стоял, тем невозможнее становилось уйти. – Забыл вас поздравить. – Агатов помолчал, наслаждаясь его беспомощностью. – Как это вам удалось обработать старика? – Понятия не имею... уверяю вас... – пробормотал Крылов, еще сильнее смущаясь* (Даниил Гранин. Иду на грозу, 1962) [2];

(14) – Муж?! Странно. У нас иные сведения, – удивился мужчина.

– Сведения имеют свойство устаревать, – сказал я, **испытывая удовольствие от его растерянности** (Аркадий Мацанов. Бабник // «Ковчег», 2012) [2].

Ситуации, где в роли субъекта КГ выступает слушающий, включают две основные разновидности. Во-первых, это класс контекстов, в которых слушающий испытывает удовольствие от каких-либо аспектов речи собеседника-говорящего, причем в качестве объектов такой оценки выступает не менее широкий круг стимулов, чем и в случае с КГ эгоцентрического типа (за исключением, разумеется, артикуляционных характеристик речи):

(15) *Женщина чувствовала горьковатый запах туалетной воды, которой пользовался ее спутник. Ей **нравилось слушать** его тихий напряженный голос, его недосказанные многозначительные фразы...* (Александра Маринина. Стечение обстоятельств, 1992) [2];

(16) *Мне всегда очень **нравилось слушать** о том, как папа вернулся с войны в новом кителе и галифе, и за ним ходили толпы восхищенных мальчишек* (Елена Пашина. «Ба! Знакомые все лица!», 2002) // «Дело». Самара, 27.03.2002) [2].

Во-вторых, это ситуации аксиологического рассогласования, когда слушающий получает удовольствие, наблюдая за тем, как говорящий испытывает определенные коммуникативные затруднения: путается, неумело лжет, не может подобрать нужных слов и т. д.; подчеркнем, что данная разновидность КГ отличается от случаев, представленных в контекстах (11)–(14), тем, что коммуникативные проблемы собеседника не спровоцированы речевыми действиями субъекта КГ:

(17) – *...И вообще, я сто лет ни с кем не спала. В смысле... спала... то есть не спала... – она смутилась, – ну, то есть когда ложишься и спишь до утра.*

Он слушал с интересом. Она смутилась еще больше, вскочила и пошла к барной стойке, где в кофеварке булькал кофе (Татьяна Устинова. Персональный ангел, 2002) [2];

(18) *Мне не хотелось ее перебивать, и все же, мгновенно положив на одну чашу весов ее справедливое неудовольствие, а на другую – удовольствие вникать в ее путаные и наверняка фальшивые разъяснения, я приложил руку к груди и воскликнул...* (Андрей Волос. Недвижимость, 2000 // «Новый Мир», 2001) [2].

Таким образом, коммуникативные ситуации, в которых реализован феномен гедонизма, демонстрируют впечатляющую вариативность, сложность и нетривиальность воплощения эмоционально-оценочных смыслов и этических норм диалогического взаимодействия, которое, по меткому выражению Б. А. Гаспарова, представляет собой «броуновское движение бесконечных сближений и удалений, соприкосновений, конфронтаций, влияний, разрывов, взаимных адаптаций и коррекций» [8, с. 16]. Отраженное в анализируемых ситуациях переплетение принятия и отторжения, сближения и дистанцирования, эмпатии и противостояния позволяет рассматривать их как важный объект анализа, заслуживающий дальнейшего всестороннего изучения в рамках как лингвистической прагматики, так и других областей лингвистического знания (лингвистической аксиологии, лингвоэкологии, лингвокультурологии и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубракова, Н. А.* Коммуникативный гедонизм в жанре *чат* интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кубракова Наталья Алексеевна. – Саратов, 2013. – 19 с.
2. Национальный корпус русского языка. – URL: [https:// ruscorpora.ru](https://ruscorpora.ru) (дата обращения : 08.11.2024).
3. *Барт, Р.* Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1985. – С. 462–518.
4. *Мечковская, Н. Б.* Эстетические оценки языка и речи: генезис, диапазон, тенденции / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2004. – С. 355–368.
5. *Якобсон, Р. О.* Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
6. *Задворная, Е. Г.* Удовольствие от общения, или коммуникативный гедонизм: основные параметры анализа / Е. Г. Задворная // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Куркович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 12– 16. - 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. *Бушуева, Л. А.* Колкость как речевой поступок / Л. А. Бушуева // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – Т. 23, вып. 4. – С. 329–334. – URL : <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-329-334>
8. *Гаспаров, Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.

Поступила в редакцию 10.12.2024